

М. Шувакович

ЭСТЕТИКА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСКУССТВОМ, КУЛЬТУРОЙ, ПОЛИТИКОЙ Социальный поворот

В статье речь идет о проблеме значимого социального поворота во взаимоотношениях политики и искусства в современной ситуации. Важным результатом исследования стал вывод о том, что в постмодернизме отношение между политикой и искусством предполагается как представление (перформанс) или как репрезентация искусства и политики в сфере культурных дискурсов и форм. Сейчас это соотношение может быть определено трояко: как трансфер политики в искусство, как превращение политики в спектакль при помощи искусства и как потенциальное поле вторжения критических, разрушительных практик в глобально-транзитивные социальные процессы перформирования форм жизни экспансивного неолиберального капитализма и его глобального кризиса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: взаимоотношения политики и искусства, социальный поворот, культурные дискурсы, формы жизни, культурные практики, репрезентации искусства и политики, трансфер политики в искусство, политика как спектакль, глобально-транзитивные процессы, неолиберальный капитализм, глобальный кризис, критические практики.

То, что началось вместе с постмодернизмом и эволюционировало во времена глобальных изменений, было развитием современного бюрократического капитализма или социализма на государственном уровне, которые соотносили политику с социальными конфликтами (и даже с экономическими моделями соревновательности, доминирования, монополизации и экспансии рынка) в обществе, где политика как государственная технология исходит из реальной власти. В начале нового тысячелетия политика становится механизмом минимальных коррекций социальных конфликтов реальными властями, которые стали безгранично абстрактными в глобальных системах финансов, производства, обмена и потребления.

Достаточно сложный вопрос состоит в том, чтобы рассмотреть, как *в настоящее время* сказалось в отношении современного искусства расхождение власти и политики. В неолиберальном обществе эпохи постмодерна и, следовательно, эпохи глобализации политика носит характер культурной практики техномеджмента (это и есть политика в действии): она сейчас располагается между социальной сферой и индивидуализированными культурными (и даже, можно сказать, художественными) акциями в обители идентичности и репрезентации «обычного». Циничным умозаключением в данном случае могло бы стать утверждение, что во времена глобализации все значимое в культуре и искусстве политизировано за исключением политики как таковой, которая деполитизирована.

Есть основания утверждать, что нужно принимать в расчет два феномена:

— переход *политического* и *политики* за сферу самой политики, то есть в *контексты* культуры и искусства. Другими словами, политика и политическое помещаются в практики эстетизации художественного мира и культуры. Политика сама по себе становится формализованной техникой управления во имя власти,

которая больше не является политикой (то есть транспарентной социальной практикой, отвечающей «человеческому условию»);

— утверждение (противоположное первому): социальное пространство, которое больше не является политическим пространством (а только пространством маркетинга), полагается пространством конструирования социального средствами искусства. Это означает, что политизация искусства опять вводит в игру «человеческое условие» как специфическое условие желаемой социальности.

Как в том, так и в другом случае искусство политизируется. Однако первое требование остается сильно детерминированным деполитизацией политики; второе утверждение *понимает* искусство и культуру как спасительные «лестницы» для бегства из деполитизированных заповедников или пространств непрозрачной политичности в обители реальной социальности как политичности.

Отношение между политикой и искусством традиционно рассматривалось как дидактическое, где предполагалось, что искусство перемещает политику на уровень общего знания или абстракций по поводу человеческих отношений в условиях «реальной жизни». Дидактическая функция искусства в действительности означает, что цель искусства — пропаганда. В искусстве политика заявляет о своем чувственном/телесном присутствии в качестве действенного знания или *когнитивно упакованного* опыта желаемой или желанной социальности.

В современном смысле отношение между политикой и искусством понимается как *критическая практика* — там, где искусство ставит под вопрос дидактические требования главенствующей политики и ее «нормативного» перформанса *форм жизни*, соответствующие аппаратам и дискурсам реальной и вымышленной власти.

Политика полагает искусство как инструмент обрамления и представления в действии социальной проблемы как вызова нормативному порядку власти. Искусство позиционирует политику как инструмент постановки спектакля (видимого, слышимого) по социальной проблеме, спрятанной за нормативным порядком власти, администрации, правительства.

В постмодернистском смысле отношение между политикой и искусством рассматривается как представление (перформанс) или репрезентация искусства и политики в сфере культурных дискурсов и форм. Лиотаровская критика *метанарратива* указывает на то, что политика *деполитизирована*, а искусство *деартизировано* до уровня множественного культурного производства, обмена и потребления произвольно *плывущих* «артефактов». Политика и искусство — обители артикуляции и реартикуляции новой формы деполитизированной политики, то есть «культурной политики». В современном смысле их соотношение может быть определено трояко — как (1) трансфер политики в искусство; (2) превращение политики в спектакль посредством искусства; (3) потенциальное поле вторжения критических, разрушительных, симптоматических практик в глобально-изменяющиеся социальные процессы перформирования форм жизни экспансивного неолиберального капитализма и его глобального кризиса.